

ДЕТЕКТИВ НА ВСЕ ВРЕМЕНА

ЧИНГИЗ

АБДУЛЛАЕВ

РАСПАД

После заката

МОСКВА
2017

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
А13

Абдуллаев, Чингиз Акифович.

А13 РАСПАД. После заката / Чингиз Абдуллаев. — Москва : Издательство «Э», 2017. — 352 с. — (Абдуллаев. Детектив на все времена).

ISBN 978-5-699-98092-5

Распад СССР круто изменил жизнь всех граждан великой страны. Не обошли эти перемены и Эльдара Сафарова. После головокружительной карьеры в администрации президента Горбачева этот талантливый юрист вынужден работать простым следователем в следственном управлении МВД. Однако жизнь продолжается, и Эльдара ожидает масса интересной работы. Одно из его новых дел — история с «чеченскими авизо». Вместе с напарником они выезжают в Грозный, где успешно выводят на чистую воду организаторов аферы. Среди них и хорошо знакомый Эльдару банкир Эпштейн. Однако дело отнюдь не закрыто. Сафаров понимает это, когда убивают его подругу Юлию...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Абдуллаев Ч. А., 2017
© Оформление. ООО «Издательство
«Э», 2017

ISBN 978-5-699-98092-5

Я предпочитаю бичевать свою Родину, предпочитаю огорчать ее, предпочитаю унижать ее — только бы ее не обманывать.

Петр Чаадаев

ГЛАВА 1

Роберта Коломенцева, бывшего сотрудника Центрального Комитета, работавшего в Административном отделе и курирующего органы госбезопасности, хоронили под вечер второго января на Ваганьковском кладбище столицы. Он покончил с собой в новогоднюю ночь, когда куранты пробили двенадцать. Коломенцев в это время был один, решив остаться на даче. Семья отправилась в город отмечать Новый год. До половины двенадцатого он отвечал на звонки супруги, обещая приехать — и все время откладывал свою поездку. Дочь и жена просили его поторопиться, чтобы он успел к Новому году. Но он упрямо твердил про севший аккумулятор и машину, которая никак не желала заводиться. В половине двенадцатого его родные наконец поняли, что он уже не успеет. Вместе с семьей брата жены они отметили Новый — ты-

сяча девятьсот девяносто второй — год, позвонив Роберту на дачу и поочередно поздравив его. Никто ничего даже не заподозрил. Он отвечал привычно ровным, спокойным голосом. Коломенцев вообще был на редкость спокойным, выдержанным человеком.

Его близкие еще не знали, что накануне Нового года ему предложили уволиться из Управления судебных органов Министерства юстиции, куда он устроился на работу только полтора месяца назад. Новый начальник УСО считал, что держать у себя в управлении бывшего ответственного сотрудника Административного отдела ЦК КПСС, к тому же связанного с бывшими органами государственной безопасности, значит, «компрометировать идею новой страны и той демократии, за которую они сражались в августе с тоталитарным режимом». Он так и сказал, пояснив Коломенцеву, что тот должен написать добровольное заявление о своем уходе. Роберт написал его двадцать девятого декабря, ничего не сказав родным.

В ночь на первое января он остался на даче, сознательно не приехав в город. Он писал письмо своей жене и дочери, которым объяснял, почему считает свою жизнь законченной в неполные сорок пять лет. «Клеймо бывшего партократа, к

тому же лично знавшего все руководство КГБ и курирующего эту структуру, останется на мне на всю оставшуюся жизнь, — писал Коломенцев в этом письме. — Я не могу и не хочу больше вас подводить. Простите меня».

Примерно через полтора часа после начала нового года он застрелился. Его тело нашли утром, когда встревоженная супруга и ее брат приехали на дачу узнать, почему он не отвечает на телефонные звонки. Первого числа они обзванивали своих знакомых и родственников. Из бывших сослуживцев Коломенцева почти никто не приехал. Было件нятно, что люди просто боятся, не хотят появляться на кладбище, где сочувствие погибшему новые власти могли истолковать как ностальгию по прежнему режиму. Поэтому на кладбище приехало человек десять бывших сотрудников. Некоторые вполголоса говорили, что в прежние времена такого человека, как Роберт Коломенцев, вполне могли похоронить на Новодевичьем кладбище — определение иерархии мест захоронения тоже было прерогативой аппарата чиновников. Пришедшие были в плохом настроении, уже сознавая, что наступившее будущее не несет им ничего хорошего.

Среди них был и Эльдар Сафаров. Он мрач-

но стоял у могилы бывшего сослуживца. Они никогда особенно не дружили с Коломенцевым, но Эльдар посчитал для себя неприличным не появиться на кладбище в день его похорон. Рано стемнело, и когда над могилой наконец вырос небольшой холмик земли, лица людей уже невозможно было различить. Супруга покойного пригласила всех к себе домой на поминки, но люди под различными предложениями отказывались. Время было сложное, голодное; все отчетливо понимали, что организовать достойные поминки вдове будет трудно, а объедать женщину в такой сложный момент не хотелось. Несколько человек отправились с ней, чтобы выпить по рюмке водки и поспешить уйти, оставляя несчастную женщину с ее родственниками.

Эльдар слышал, как за его спиной вполголоса говорили, что это уже не первый и наверняка не последний из тех, кто предпочел ежедневному унижению и краху своих идеалов такой быстрый выход. Говорили, что из сотрудников бывшего ЦК уже восемь человек покончили с собой, в том числе и двое бывших управляющих, выпрыгнувших из окон своих квартир.

Было уже совсем поздно, когда приехал Жу-

рин. Он подошел к вдове, обнял ее, сказал несколько слов утешения, поцеловал дочь Коломенцева. Журин работал вместе с Эльдаром в одном кабинете, еще когда они вместе сидели в здании на Старой площади. Михаил Алексеевич подошел к Эльдару и пожал ему руку.

— Как вы себя чувствуете? — спросил Сафаров. — Как ваше сердце?

— Пока мыслю и существую, — усмехнулся Журин, — ничего. Разрешили выписаться. По моему, они хотят как можно быстрее избавиться от всех «бывших». У них появились платные услуги, и больница теперь несколько меняет профиль. А бывший сотрудник партийного аппарата им совсем не нужен. Тем более я сейчас устраиваюсь рядовым юрисконсультантом на обычную фабрику, которая еще, к счастью, работает.

Эльдар понимающе кивнул.

— А как твои дела? — спросил Журин.

— Берут следователем в следственное управление Москвы, — сообщил Сафаров, — я уже был там на собеседовании. Виктор Сергеев мне помог. Да и сам Баранников меня тоже знает.

— Баранников теперь будет нашим вторым Берией, — шепнул ему Журин, — он ведь те-

перь объединил МВД и КГБ. Представляешь, какой монстр может получиться?

— Напрасно, — так же тихо ответил Эльдар, — у каждого ведомства свои задачи.

Церемония закончилась. Многие прощались прямо здесь. Журин с Сафаровым выходили последними.

— Давай поедем со мной, — неожиданно предложил Михаил Алексеевич. — Посидим у меня, помянем Коломенцева. Он всегда был таким рассудительным и спокойным человеком; а вот видишь, и его тоже достали... Поехали?

— Вам разве можно пить? — предостерегающе заметил Эльдар.

— Можно. Врач сказал, даже нужно. Одну или две рюмки, но не больше. А я больше никогда в жизни и не пил... Поедем на автобусе; кажется, этот идет как раз в нашу сторону.

Так и сделали. Через час они уже сидели в просторной кухне Журиных, за небольшим столом. Супруга Михаила Алексеевича горестно вздохнула, увидев их вдвоем; она знала, откуда они приехали, но больше ничего не стала говорить. Быстро все приготовила на кухне — нарезала колбасу, сыр, достала малосольные

огурцы и заливную рыбу. А бутылку достал сам Журин.

— Вот так и живем, — негромко произнес он, разливая водку в небольшие рюмки. — Значит, мы с тобой пока уцелели. А ты вообще молодец, успел перед самым распадом уйти в администрацию президента... Поэтому тебя и берут в следственное управление. Ты теперь не бывший партократ, а специалист из администрации союзного президента... Ну, давай за Роберта.

Они поднялись, не чокаясь выпили и снова уселись на свои места.

— Жалко Роберта, — вздохнул Журин, — и семью его тоже жалко. Хотя я понимаю Коломенцева. Ему все в лицо тыкали: бывший сотрудник партийных органов, да еще и куратор госбезопасности... Кто станет держать такого «специалиста» у себя на работе? Особенно сейчас... Крючков все еще сидит в тюрьме. Какой парадокс судьбы, а? Всю свою жизнь отдать защите страны, а потом оказаться в тюрьме с формулировкой «изменник»... С ума можно сойти.

Он сокрушенно вздохнул, посмотрел на свою рюмку. Несмотря на вечно красноватый нос, он почти не пил — у него была больная печень, и

Сафаров знал об этом. Словно услышав его мысли, Журин невесело усмехнулся:

— Даже напиться нельзя. Печень у меня пошаливает. Да и сердце не в порядке. Можно сказать, что отдал свое здоровье и жизнь партийной работе. Столько лет провел в этом аппарате... А теперь уже все. Все кончено. Наша политическая смерть зафиксирована документально. Интересно, есть ли жизнь после такой смерти? Как ты считаешь?

— Не знаю, — ответил Эльдар, — посмотрим. Я завтра выхожу на работу; поглядим, что там получится.

— Если бы все было в порядке, ты отправился бы начальником крупного управления в МВД страны или заместителем министра в свой Баку. А может, и самим министром, — предположил Журин. — А сейчас пойдешь работать следователем. Наверное, тебе тоже обидно. После работы в ЦК КПСС и в администрации президента идти на работу простым следователем...

— Я ведь раньше работал в прокуратуре. Мне не обидно — просто так получилось.

— Ты у нас фаталист, — махнул рукой Журин. — А я не такой... Скажи честно, почему ты не вернулся к себе в Баку?

— Там сейчас тоже не очень спокойно, — нахмурился Эльдар. — В Нагорном Карабахе все время стреляют... А потом, мне немного стыдно возвращаться. Ехал в Москву с такими амбициями — и получается, что не сумел здесь закрепиться. Нет, нужно все-таки попытаться...

— Давай за твое здоровье. — Журин поднял рюмку, и на этот раз они чокнулись.

— Вот такие у нас дела, — задумчиво сказал Михаил Алексеевич, — живем как в волшебном сне. Если бы кто-нибудь мне сказал, что все так закончится, я бы в жизни не поверил. Когда меня брали в аппарат — еще при Брежнев, — тогда казалось, что все это навсегда; во всяком случае, на наш век хватит. И чем все закончилось? Толпой людей, которые били у нас стекла и кричали нам обидные слова, когда мы убежали из своего здания. В прежние времена к нему даже близко подходить боялись. А здание КГБ? Если бы кто-нибудь сказал, что его будут штурмовать, а потом снесут памятник Феликсу, я бы плюнул этому человеку в глаза. Мог поставить тысячу против одного, что такого никогда в жизни не случится. Однако случилось... Теперь я уже ничему не буду удивляться. Скажут, что Бог есть, — и я, атеист с многолетним стажем,

сразу поверю. Скажут, что завтра прилетят инопланетяне, — и я тоже поверю. Все развалилось к чертовой матери... — Он снова разлил водку в рюмки.

— Вам много нельзя, — предостерегающе напомнил Эльдар.

— Знаю, помню. Я много и не пью, только вид делаю... Это я за Роберта переживаю, за его жену и за его дочь. И за нас всех, дураков. Ты понимаешь, почему я так переживаю? Не из-за себя — я уже свое пересидел, меня давно нужно было оттуда гнать. И даже не из-за этой трагедии с Робертом. Я все время сижу и думаю, как такое могло случиться. Где были восемнадцать миллионов наших членов партии? Такие принципиальные, такие смелые, такие идейные... Где они все остались? Растворились в воздухе? Сразу сменили свои принципы? Все вместе, все восемнадцать миллионов? Ни один секретарь райкома не поднял знамя и не призвал своих сторонников вооружаться и защищаться до последнего. Ни один. Понимаешь, Эльдар, на такую огромную страну не нашлось ни одного принципиального коммуниста... Вот так умирают идеи. Прежде всего — идеи, а уже потом распадаются партия и страна.

— Думаю, это не совсем так, — осторожно заметил Сафаров. — Многие отождествляли Горбачева с партией, и никто не хотел выходить и защищать Горбачева и его сторонников. Поэтому все так и получилось.

— Хорошо. Пусть эта партия состояла из одних подлецов... хотя ты прекрасно знаешь, что все это было не так. Но почему тогда ни один человек не защитил свою страну? Почему молчала наша армия? Где был наш министр обороны Шапошников, когда услышал о разделе страны? Почему ни один офицер не вспомнил о своей присяге? Неужели все и сразу сошли с ума? Можешь объяснить? Только без демагогии, что и Советский Союз они тоже отождествляли с Горбачевым. Слово-то какое ты нашел, чтобы все это оправдать...

Эльдар мрачно молчал. Спорить не хотелось. Он понимал, что Журин во многом прав. Но сегодня ему не хотелось даже думать об этом. Третью рюмку они выпили за здоровье самого Михаила Алексеевича. А потом в комнату заглянула супруга Журина, и они поняли, что пора заканчивать. Хозяин поднялся, провожая гостя до дверей.

— Удачи тебе, Эльдар, — негромко произнес